

Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. Т. 4. 687 с.

Zubko K. V. Loyalty and betrayal in Orthodox Sermons about the Crucifixion of Christ

Abstract. The article is devoted to the analysis of a previously unpublished monument of Russian literature – a sermon on the burial of the Son of God and the fidelity of Joseph of Arimathea from the manuscript collection «Statyr» (late 17th century) in comparison with the Word of Cyril of Tours on the same topic (12th century) and the Teaching Gospel of 1633. The aim is to understand the variety of problems of fidelity and betrayal, their implementation in the artistic images, to reveal the authorial attitude, expressed in the poetics of the work.

Keywords: fidelity, betrayal, preaching, feat, Old Russian literature.

М. И. Максимова

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Развитие понятия таланта в древнерусских толкованиях Евангельской притчи

Аннотация. Семантика слова «талант» и представление о самом явлении на протяжении веков претерпевали изменения. Значения, привычные для современного человека, зачастую отсутствовали или трактовались иначе в древней и средневековой традиции. В свою очередь смысловые компоненты, являющиеся неотъемлемыми от понятия *талант* для проповедников предыдущих веков, с течением времени уходят на второй план или вовсе исчезают в результате переосмысления концепта. Задача исследования – выявить характерные для разных веков грани понимания *таланта* и проследить путь изменения его места в национальной концептосфере.

Ключевые слова: талант, концепт, концептосфера, проповедь, проповедник (учитель).

Прежде чем начать разговор о концепте *талант* и его месте в концептосфере русского языка, определимся, что имеется в виду под понятиями «концепт» и «концептосфера». Ю. С. Степанов называет концепт «как бы сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 43]. На примере концепта «закон» он поясняет: «Тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон, и есть концепт "закон"» [там же]. Относительно понятия «национальная концептосфера» опираемся на определение Д. С. Лихачева, где концептосфера – это совокупность концептов, «концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности» [Лихачев: URL]. В концептосферу могут входить другие, меньшие концептосферы.

Чтобы проследить, как с течением времени меняется значение понятия *талант*, рассмотрим проповеднические тексты разных веков, а также словарные материалы.

В «Словаре синонимов русского языка» слово «талант» относится к синонимическому ряду «способность, дар, дарование, талант». Общее значение этих слов – «прирожденные ярко выраженные задатки к какой-л. деятельности, творчеству и т. п.» [Словарь синонимов 1971: 482]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим следующие значения слова: «1. Выдающиеся врожденные качества, особые природные способности. *Т. актера. Музыкальный т.* 2. Человек, обладающий такими качествами, способностями. *Молодые таланты*» [Ожегов, Шведова 2017: 754]. В современных словарях уже не выделяется первоначальное значение единицы веса и денежной единицы. При этом в русском языке есть фразеологизм «зарыть талант в землю»,

появившийся благодаря евангельской притче (Евангелие от Матфея, гл. 25, стихи 14–30) и находящийся в активном употреблении по сей день, но для носителя русского языка, который не сталкивался с такой мерой веса или денежной единицей, это значение неактуально. Значение слова «талант» прошло путь от конкретного к переносному.

В древней притче талант – это греческая монета, равная 60 минам; соответственно, и прибыль, которую получают рабы в результате своих действий – это прибыль материальная. Переносное значение этот элемент сюжета, наряду с остальными, приобрел с появлением толкований притчи. Можно предположить, что тогда же талант начал приобретать и значения «дар», «способность» и т. п.

Русская традиция проповеди опирается на наследие наиболее авторитетных христианских учителей. Иоанн Златоуст (IV–V вв.) отстаивает переносное значение понятия, он видит в талантах «то, что находится во власти каждого, – или покровительство, или имение, или научение, или что-нибудь подобное» [Златоуст: URL]. Затем акцент делается на «научении». Рабы из притчи – это люди, которым назначено стать учителями для других людей. Талант, по Златоусту, воплощается главным образом в послушании Господу (как и в притче) и в помощи ему через научение других людей и помощь им. На получившего талант возлагается ответственность – не только за чужое благополучие, но и за свое тоже, так как от стремления помогать другим зависит спасение собственной души. Талант – это то, что дается человеку свыше, но не как подарок, а как долг и неизбежность. Если не приумножить дарованное, а «зарыть в землю», как сделал ленивый раб, – талант, а вместе с ним и право на награду и вечное блаженство, будут отняты.

Григорий Двоеслов (VI–VII вв.) конкретизирует сущность каждого из талантов, дарованных трем рабам. Пять талантов – это «чувства телесные», два – «разумение и деятельность», один – «только разумение» [Двоеслов: URL]. Соответственно имеющий пять талантов получил знание о материальном мире и был обязан учить «о самом внешнем», помогая своим последователям не забыть о духовном в столкновениях с мирскими соблазнами (то есть телесные чувства здесь используются для духовного развития); имеющий два – должен был «разумением и деятельностью проповедовать другим»; третий раб разумел «только плотское» [там же]. Первый раб получил неиспользованный талант третьего, потому что «не имел еще разумения внутреннего». Таким образом, здесь появляется идея самосовершенствования и обретения того, чем человек прежде не владел.

Феофилакт Болгарский (XI–XII вв.) видит в распределении талантов другой смысл: каждый получил «по силе своей, то есть по мере веры и чистоты» [Феофилакт: URL]. Талант – это слово, как и у Иоанна Златоуста, но дарование талантов рабам – это первая награда за уже достигнутое. Однако эта награда не снимает с рабов ответственности за дальнейшие дела. Придя к вере и чистоте сам, человек должен привести к этому же и других. Сохраняются идея послушания Господу, идея ответственности за свою и чужие судьбы и несения своего знания другим, но вместе с тем появляется идея дара в зависимости от достоинства человека, идея «малой награды», являющейся как бы залогом большей. Подобного рода толкования были хорошо известны мыслителям и писателям Древней Руси, особенно активно об этой притче задумались авторы проповеднических книг XVII в.

Этот век, став переломным для русской истории и культуры, привнес в толкование притчи значительный вклад и заложил основу для нового понимания таланта, которое впоследствии разовьется и приобретет привычную семантику. Хотя проповедники во многом следуют древнейшим образцам толкования концепта таланта, можно заметить, как меняются акценты.

Православный проповедник Кирилл Транквилион в «Поучении в неделю 16» (1619 г.) говорит: «овому даетъ слово премудрости, и разума д(у)хомъ: иному же вѣра и прор(о)цтво о том же д(у)се: другому же дарование цѣлбамъ, и дѣйствие силемъ тѣм же д(у)х(о)мъ: иному же рассуждение д(у)х(о)въ, и роды языковъ; вся же дѣйствуетъ единъ той же д(у)хъ, комуждо раздѣляетъ дары, якоже хочетъ предаеть таланты» [Транквилион: л. 287]. Если обобщить все названные дары, то можно назвать их талантами знания. Два

таланта приняли «славный вѣка сего ц(а)рие кн(я)зи, властитель и богатыи», им дарованы «судь правды его (т. е. Бога – *прим. авт.*)», «на отмщение злодѣемъ» и в защиту «обидимымъ сиротамъ и вдовицамъ», и богатство, чтобы «от имѣний наполняти рудъ нищихъ» и обращать «богатство свое на розмножение хвалы Б(о)жеи» [Транквилион: л. 287 об.] (путем строительства церквей, монастырей и училищ). Один талант получили «художницы, совѣтницы, земледѣлатель, купцы, и сущии въ училищах и въ причтѣ ц(е)рк(о)вномъ». Так как здесь нет уточнения, что это за талант, можно предположить, что это тот талант дела, которым человеку назначено заниматься. Далее говорится: «Ибо таланты нѣчто же иного знаменуютъ; точию дары Б(о)жии такожде и не ровность числа ихъ, знаменуетъ каждого стану годност, болшую, среднюю, и меншую» [там же]. Таланты не просто даруются «по силе», но и являются мерой достоинства человека (в этом проповедник следует идеям Феофилакта Болгарского). Тем не менее все люди, «усугубившие» свои таланты – как обладатели пяти, так и обладатели двух или одного таланта, – получают равную награду за свои деяния. Различным будет только наказание за непослушание: чем больше талантов человек погубил, тем страшнее будет его приговор на Божьем Суде. Как видим, автор не отделяет благие дела и нищелюбие от таланта, воплощенного в созидании и творчестве.

Симеон Полоцкий в проповеди на тот же праздник «Словеса в неделю 16 по сошествии Святого Духа» (1681) говорит, что главное для каждого обладателя талантов – заниматься своим делом, не завидуя другим из-за тех талантов, которых ему самому не досталось, и не пытаясь приобрести другой талант, чтобы не потерять уже имеющийся. Так как таланты даются каждому «по его силе», то нужно не роптать на Бога за «несправедливость», а благодарить его за то, что он не дал непосильную ношу. Автор явно стремится установить бесконфликтный мир для деятельности и благополучия людей из разных слоев. Но таланты, по Симеону Полоцкому, это не только определенный род деятельности. Проповедник собирает несколько самых известных интерпретаций образа таланта, как бы подчеркивая, что талантом может быть все, что дано человеку: «Нѣции (т.е. толкователи – *прим. авт.*) бо пять талантъ, пять книгъ Моисеовыхъ сказуютъ. Нѣции пять чювствъ быти г(ла)голют. Инии къ пяти язвамъ Хр(и)стовымъ относятъ. Инии же пять добръ от Б(о)га даемых нещуютъ...» [Обед: л. 297 об.]. Здесь же упоминается версия Григория Двоеслова. Далее Полоцкий говорит: «Копаютъ талантъ, иже даныхъ себѣ бл(а)гъ не употребляютъ на добро, и ближним своимъ не общаютъ, или за лѣность, или за зависть» [Обед: л. 299]. Как видим, зависть становится одной из причин закапывания таланта и его дальнейшей потери. Однако это уже не трактуется как «служение дьяволу» (что можно увидеть у Иоанна Златоуста). Акцент делается на страхе Божьего суда, который и должен подтолкнуть «ленивого раба» к исполнению долга перед Господом. Сравнительно новый мотив заключается в том, что талант может быть «осквернен» тем, кто получил его не по заслугам, и в результате такой человек делает для других больше зла, чем добра, использует во зло изначально благое дарование (таланты «не по дѣлом даема бывають, но туне <...> и чрезъ лукавыя челоуѣки, сия нам дарования подаются от Б(о)га: яко бл(а)гая м(и)л(о)стыня, от бл(а)гаго г(о)с(поди)на, временемъ чрезъ раба злаго нишым подается» [Обед: л. 306]). Эта идея прежде не прослеживалась в проповедях, «верные рабы» неизменно творили добрые дела и получали прибыль, а «лукавый раб» не использовал свой талант вовсе.

Еще одна проповедь, заслуживающая внимания, принадлежит Лазарю Барановичу («Меч духовный», 1666). Проповедник связывает притчу о талантах с другими сюжетами. Толкователи древности иногда соединяли в одной проповеди толкования на притчу о талантах и на притчу о десяти девах, и здесь выстраивается прямая связь: пять талантов сравниваются со светильниками «мудрых» или «юродивых» дев. В случае с двумя талантами параллель проводится с притчей о двух лептах вдовицы. В случае с одним талантом – с сюжетом о воскресении Лазаря. Один талант – это тело Лазаря, оставшееся у Марфы и Марии после его смерти. При воскресении же Лазаря дан был им второй талант – его возвращенная Господом душа. Далее дается еще несколько трактовок образа талантов,

которые уже встречались в поучениях других проповедников. Основная является дополненной версией толкования Григория Двоеслова: пять талантов – это пять телесных чувств, которые управляются разумом (он нужен для разумения Бога) и волей (она дана для исполнения Божьей воли). Руководствуясь двумя талантами, человек должен исполнять Заповеди Господни, главные из которых – любовь к Господу и любовь к ближнему («Возлюбиши Г(оспо)да Б(о)га твоего, и возлюбиши искренняго твоего» [Меч: л. 207]). Один талант – это «Даръ бл(а)г(о)д(а)тию Б(о)жиею, къ дѣланию данны намъ»: «вышнееестественный» (Вера) или «естественный» (душевная и телесная сила), или «дар внешних благ» (богатство, сан, власть и пр.) [там же]. Этим талантом приобретается другой – «Слава небесная» [Меч: л. 207 об.].

Особого внимания заслуживает новое для поучений и непривычное для более поздней светской традиции понимание талантов: это болезнь и нищета, от которых страдает сам человек. Талантом может быть не только сила, но и слабость (тогда как у Симеона Полоцкого недостаток означал отсутствие какого-либо таланта, вместо которого дан другой). Стоит помнить, что с точки зрения христианства страдание – это тоже путь к спасению, поэтому такая интерпретация образа таланта вполне может существовать. Тем не менее она недолговечна, потому что уже с XVIII века вновь начнется развитие идеи таланта как достоинства, в особенности способности к творчеству.

В Европе смещение концепта таланта в сторону его соотнесения с творческим началом произошло, вероятнее всего, в Эпоху Возрождения, когда ценность обрели и сам человек, и его способность творить. В России же на тот момент еще достаточно устойчива была предшествующая религиозная традиция. В XVII веке идея творчества начинает проявляться активнее: Кирилл Транквиллион говорит о «строителях», хотя и подразумевая строителей церкви, а не зодчих вообще; «художники», появляющиеся в проповедях многих святителей – это, по сведениям из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, мастера, ремесленники. Хотя ремесло – это необязательно творчество, но здесь есть семантика созидания. Возможно также, что идея развилась и из христианских идей: человек создан по образу и подобию Бога-Творца, а значит, и человек изначально способен к творению-созиданию. Получая талант, он получает возможности для творчества.

В традиции толкования притчи талант стоит между долгом (предназначением) и даром. Относить талант к чему-то одному не совсем верно: человек может действовать вопреки предназначению, а дар Господа – это не безвозмездный подарок. При этом человек сам творит – творит добрые дела, помогая Богу в его делах. В более поздних проповедях талант – не только благо, но и страдание. По-прежнему сильна семантика «дарования свыше» и «высшего предназначения», что выражается в особом отношении к чьим-либо талантам, но в современном сознании полностью исчезла такая составляющая таланта, как ответственность за него перед Богом. В настоящее время категория таланта как бы снижается, упрощается, приравниваясь к простому умению одного человека делать хорошо то, что не получается у другого (в том числе что-то неправильное с точки зрения морали). Однако и при этих условиях талант нельзя безоговорочно отождествить с дарованием или способностью.

Литература

Баранович Лазар. Меч духовный / Лазар Баранович. – Киев : Типография Киево-Печерской лавры, 1666. 465 л. : 2°

Кирилл Транквиллион. Евангелие учительное. 1619.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/3542214/page:68/> (дата обращения 03.04.2022)

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «А ТЕМП», 2017. 896 с.

Святитель Григорий Двоеслов. Беседа IX, говоренная к народу в Церкви Св. Сильвестра в день его мученичества // Сорок бесед на Евангелия [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/besedy-na-evangeliya/9. (дата обращения 07.04.2022)

Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 78 // Беседы на Евангелие [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/78 (дата обращения 07.04.2022)

Симеон Полоцкий. Обед душевный, М., 1681. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003393518#?page=1> (дата обращения 07.04.2022)

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1971.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Феофилакт Болгарский. Глава 25 // Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/25 (дата обращения 07.04.2022)

Maximova M. I. The development of the concept of talent in Old Russian interpretations of the Gospel parable.

Abstract. The semantics of the word "talent" and the idea of this phenomenon have been changing for centuries. The meanings familiar to modern man were often absent or interpreted differently in the ancient and medieval tradition. In turn, the semantic components, which are integral to the concept of talent for homilists of previous centuries, fade into the background or disappear at all in a result of rethinking of the concept. The aim of the research is to identify the aspects of talent characteristic of different centuries and to trace the path of changing the place of talent in the conceptual sphere.

Keywords: talent, concept, conceptual sphere, sermon, homilist (mentor).

А. Д. Калинина

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Авторская работа с источниками в проповедях предпетровского времени¹

Аннотация. В статье рассматривается использование проповедником XVII в. цитат из святоотеческих произведений и Священного писания в словах против пьянства из рукописного сборника «Статир». Выявляются функции интертекста – обозначение темы, примеры, усиление выразительности. Анализируются приемы цитирования. Рассматривается авторское отношение к тексту источников, их сохранение и интерпретация

Ключевые слова: проповедь, нравственный облик, священство, «Статир», интертекст

Традиция компилятивного составления проповеди исходит из самой цели жанра – изъяснения слова Божия, представленного эпизодом или фразой из Священного Писания. Обязательное обращение в православных проповедях к святоотеческим экзегетическим трудам регламентировалось еще в VII в. решениями Трулльского Собора. Опора на авторитетные сочинения была необходима, чтобы священник, раскрывая пастве слово

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»)